

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И ПЕРЕВОД

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПЕРЕВОДА – ПОИСК СМЫСЛА КАК ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Е.Е. Калиш

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций
Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025

В статье поднимается проблема распространенного ошибочного понимания того, что такое перевод. Несмотря на единодушные исследователей в том, что успешному переводу должно предшествовать понимание оригинала, осмысление текста ИЯ часто принимает форму механистической процедуры, а смысл представляется дискретно, отдельно от пользователя языка. Такой подход характерен не только для программ машинного перевода, где существует необходимость формализации мыслительных операций, но и для современных работ по лингвистике и переводоведению. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой смысл не может быть величиной абсолютно инвариантной и изначально присутствующей в тексте ИЯ в неизменном виде. Более того, автор считает, что смысл связан с реализацией значения в определенном контексте ситуации и определяется пониманием некоторой области значения, исходя из личного опыта и знаний переводчика. Перевод предлагается рассматривать как семаономасиологический процесс, то есть движение от текста ИЯ к его осмыслению и передаче этого смысла в тексте ПЯ. Для понимания оригинала автор предлагает проводить процедуру реконструкции дискурса. Под последней понимается восстановление контекста ситуации, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, часто с набрасыванием смысла, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ. На примере перевода аутентичного фрагмента текста автор показывает, каким образом проводится поиск смысла посредством нового вводимого понятия. Реконструкция дискурса представляет собой процедуру, которая соотнобразуется с когнитивной природой переводческого процесса и способна повысить адекватность перевода.

Ключевые слова: перевод, текст ИЯ, текст ПЯ, смысл, контекст ситуации, реконструкция дискурса

ВВЕДЕНИЕ

Its far more difficult to murder a phantom than a reality.
(Virginia Woolf, the Beauty Myth)

Понятие и понимание «перевода», как это часто бывает с базовыми терминами в рамках определенной гуманитарной дисциплины, не имеет четких границ и характеризуется многоплановостью и неоднозначностью восприятия этого фе-

номена. Так, в переводоведении на настоящий момент существует огромное количество определений того, что такое «перевод», тем не менее ученые-практики и теоретики продолжают предлагать новые определения (См., например, статью Д.М. Бузаджи «К вопросу об определении понятия „перевод“»).

Данный факт можно рассматривать в качестве показателя того, что понимание перевода эволюционирует по мере накопления опыта в сфере межкультурной коммуникации и развития науки в целом, происходит детализация и уточнение этого сложного мыслительного процесса, каким, безусловно, является перевод. Одновременно до сих пор бытует достаточно наивное, если не сказать примитивное понимание того, что представляет этот процесс. Перевод приравнивается к механической работе, направленной на подстановку единиц текста исходного языка (далее — ИЯ) единицами текста языка перевода (далее — ПЯ). Получается, как в следующем анекдоте:

Переводчик: *Товарищ генерал, я не понимаю этот текст.*

Генерал: *А тебе чего понимать, лейтенант? Ты переведи, а уж я-то пойму* [Цвиллинг 2009: 116].

Возникает справедливый вопрос, почему, несмотря на многовековую переводческую практику и важность переводческого процесса для нормального функционирования политической и социальной системы народа, развития культуры в целом, перевод продолжает восприниматься как «преодоление технического барьера разноязычия» [Цвиллинг 2009: 116], а работа переводчика не получает должного внимания и уважения.

Зарубежные авторы также отмечают данный парадокс: «Since documentary evidence of translation can be traced back for at least two millennia and present-day international communication depends heavily on it, it is surely paradoxical that a phenomenon as widespread in time and in space as translation is should be so ill-understood» [Bell 1991: 3].

С другой стороны, если бы перевод был действительно механически-ремесленным занятием, не существовало бы несколько вариантов перевода одного и того же произведения, даже в случае нехудожественного перевода. Не случайно практически любое неоднозначное высказывание можно перевести несколькими способами: «Any utterance of more than trivial length has no one translation. All utterances have innumerable many acceptable translations» [Bellos 2011: 5].

Что тогда позволяет переводчикам, используя разные средства выражения ПЯ, создавать текст, который является переводом одного и того же текста ИЯ, а читателям этого перевода ассоциировать перевод с определенным подлинником? Очевидно, что переводчик для свободного выражения оригинального сообщения средствами другого языка должен его, прежде всего, понимать, и далее по возможности сохранять в переводе эту усвоенную информацию.

Необходимость понимания оригинала в качестве предпосылки успешного перевода сложно подвергнуть сомнению. Здесь большинство авторов единодушно. Еще Э. Доле, французский гуманист и переводчик XVI в., сформулировав пять основных принципов перевода, первым требованием к переводчику назвал способность хорошо понимать смысл и значение текста.

На этапе становления теории перевода как самостоятельной дисциплины, в 50—60 гг., данное руководство получило вид весьма сложной формализованной процедуры уже в системах машинного перевода. Рассмотрим его более подробно, чтобы понять, насколько ученым удалось продвинуться в представлении сути переводческого процесса.

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА В РАМКАХ ПРОГРАММ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Необходимо отметить, что в социально-политической обстановке холодной войны того периода развитие машинного перевода представлялось весьма перспективным направлением и на него возлагались большие надежды. Советские ученые, такие как И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, И.А. Мельчук, с энтузиазмом взялись за выполнение этого задания.

И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг выделили отдельно процесс интерпретации с ориентацией на описываемую в тексте ситуацию и процесс перевода *per se*, где «переход от одной системы языка к другой осуществляется непосредственно по заранее установленной системе соответствий» [Ревзин 1964: 58]. Как отмечают авторы, при интерпретации соответствие сообщений устанавливается через референт или отрезок действительности, «что же касается процесса перевода, то ... референт вообще не участвует в схеме, и задача состоит в том, чтобы установить такое соответствие, которое обеспечивает *инвариантность смысла*» [Ревзин 1964: 67]. При этом подчеркивается, что инвариантность смысла понимается не как абсолютная категория, а как инвариантность по отношению к построенному языку-посреднику [Ревзин 1964: 68]. Таким образом, смысл как некая когнитивная сущность, которая должна присутствовать в тексте ИЯ и ПЯ, имеющая концептуально-идеальный характер, описывается формализованным метаязыком.

Авторы вынуждены также признать, что перевод в этой системе происходит исключительно в рамках лингвистического микроконтекста [Ревзин 1964: 119], т.е. учитывается непосредственное окружение слова справа и слева, что, естественно, недостаточно для создания адекватного перевода.

В целом, для осуществления перевода с одного языка на другой в основе работы большинства машинных программ того времени лежал принцип использования универсального языка-посредника. Таким языком выступал смысл, и он подвергался формализации в том виде, который был необходим для данной программы.

Примером тому может служить программа, которая была построена по модели Смысл \Leftrightarrow Текст в лаборатории машинного перевода при МГПИИЯ имени М. Тореза И.А. Мельчуком совместно с А.К. Жолковским и Ю.Д. Апресяном. Соблюдение принципа тождества текста ИЯ и ПЯ в данной модели прослеживается на основе сохранения смысла. Последний понимается как «инвариант всех синонимических преобразований, т.е. то общее, что имеется в равнозначных текстах» [Марчук 1983: 10], а «владение смыслом... проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего — в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» [Жолковский 1964: 4].

Соответствие между смыслами и текстами представляется в виде особой записи, где элементарными единицами выступают семы. Семантические графы далее объединяются и оформляются за счет последующих уровней: синтаксического, морфологического, фонологического и фонетического. Ключевым компонентом описания смысла является толково-комбинаторный словарь (ТКС), где ключевым словам дается подробное описание возможных значений, словоизменяемые и образовательные, сочетаемостные, синтаксические и стилистические свойства, возможные корреляты, обозначаемые специально разработанной записью — лексическими функциями, приводятся примеры и учитывается фразеология, т.е. учитываются синтагматические и парадигматические отношения вокабул, что выгодно отличало данную модель от предыдущих. Тем не менее, принцип работы программы остался прежним: ТКС повторяет словарную модель, т.е. единице системе ИЯ находится соответствие системы ПЯ, и единица в тексте считается эквивалентной другой единице, если она является ее синонимическим перефразированием. Приравнивание высказываний на основе единого смысла, который понимается таким образом, легко поддается критике.

Наиболее последовательно критика модели Смысл \Leftrightarrow Текст представлена в работе В.А. Звегинцева «Предложение и его отношение к языку и речи» [Звегинцев 1976]. Главное возражение автора, и с ним сложно не согласиться, в том, что смысл предложения, взятого из определенного дискурса, невозможно трансформировать. Такую операцию можно производить только с псевдопредложениями, взятыми в произвольном порядке, в результате чего получается не смысл, а псевдосмысл. В качестве примера было рассмотрено следующее предложение из рассказа о лосе Мишке, спасшем теленка от волка: «Он бросился на волка и изо всех сил ударил его ногой». Если следовать модели, рассуждает автор, данное предложение можно преобразовать в «эквивалентные» ему варианты: А. *Он нанес ему удар ногой с напряжением всех сил, после того как совершил бросок на волка;* В. *Совершилось нападение на волка, которое завершилось нанесением им ему сильного удара.* В. *Волку было нанесено увечье выскочившим существом мужского рода, которое использовало для этого всю свою силу* [Звегинцев 1976: 196—197]. Как можно видеть, возможные трансформы исходного предложения выглядят искусственно, поскольку лишены *ситуативной* ориентированности. Внимание уделяется значениям отдельных словосочетаний, грамматической правильности предложения, но не соотносённости с ситуацией, основного показателя наличия смысла, по В.А. Звегинцеву.

Работа программ машинного перевода, основанная на соблюдении принципа нахождения эквивалентных соответствий в отрыве от контекста ситуации (далее — КС), скоро показала свою несостоятельность.

Несмотря на продуктивность взгляда на перевод как семаономасиологический процесс, т.е. движение от текста ИЯ к его осмыслению и передачи этого смысла в тексте ПЯ, рассмотренное выше понимание смысла а priori ошибочно по двум причинам.

Во-первых, смысл рассматривается как некая универсальная, глубинная структура, которая не дана непосредственному восприятию, но которая, тем не менее,

принадлежит самому языку. Глубинная структура строится по определенному конечному количеству правил, ее составляющими являются атомы смысла, семантические и синтаксические маркеры. Понимание исходного сообщения обеспечивается пониманием его глубинной структуры, для чего носители языка должны иметь соответствующую языковую компетенцию, в то время как знания о внешнем мире, вся совокупность «экстралингвистических факторов» не имеет отношения к интерпретационным усилиям носителя языка.

Очевидно, что подобное понимание смысла продиктовано необходимостью формализовать мыслительные операции, которые в естественных условиях осуществляет мозг человека, но тогда речь идет не о смысле, а о значении. Смысл формируется на основе языкового значения, но он всегда соотносится с действительностью, конкретным КС. Не случайно даже такие простые, на первый взгляд, предложения, как “The pen is in the box” и “The box is in the pen” представляют сложность для машинного перевода, так как многозначность слова “pen” (ручка или загон) снимается при наличии знаний размеров определенных объектов реального мира: “A classic conundrum that computers could not solve is to attribute the correct meanings to the words in the following two sentences <...> and <...>. Understanding them calls on knowledge of the relative sizes of things in the real world (of a pen-sized box, and a sheep-pen, respectively) that can’t be resolved by dictionary-meanings and syntactic rules” [Bellos 2011: 260].

Во-вторых, смысл не может быть величиной абсолютно инвариантной и изначально присутствующей в тексте ИЯ в неизменном виде. Помимо того, что смысл связан с реализацией значения в определенном КС, он также определяется пониманием определенной области значения, исходя из личного опыта и знаний переводчика. Нельзя не согласиться со следующим наблюдением Д. Бэллоса, профессора Принстонского университета, относительно того, что мы сами «приписываем» определенные смыслы высказыванию: “Written and spoken expressions in any language don’t have a meaning just like that, on their own, in themselves. *Translation represents the meaning that an utterance has, and in that sense translation is a pretty good thing of finding out what the expression used in it may mean.* In fact the only way of being sure whether an utterance has any meaning at all is to get someone to translate it for you” [Bellos 2011: 80] (курсив наш — Е.К.). Более того, каждый перевод актуализирует определенную интерпретацию, особенно это видно на примерах переводов художественных произведений.

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ ПО ЛИНГВИСТИКЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ

К сожалению, искаженные представления о процессе перевода, связанные с ошибочным пониманием того, что такое смысл, трудно искоренимы и до сих пор встречаются в современных публикациях.

Так, автору настоящей статьи попали в поле зрения две монографии по переводу, где «смысл» рассматривается в качестве ключевого понятия и предмета

исследования. Одна из работ имеет следующее название: «Перевод. Воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода» [Гурова 2010].

Ссылаясь на трансформационно-семантическую модель Ю. Найды и Дж. Тайбера, автор монографии фактически предлагает осуществлять процесс перевода по схеме работы программ машинного перевода. Перевод должен проходить три стадии: текст ИЯ преобразуется в универсальные семантические категории, легко анализируемые формы при помощи упрощающих трансформаций, далее эта упрощенная запись переносится на язык перевода также на уровне простейших/ядерных структур, т.е. наблюдается подстановка единиц ИЯ единицами ПЯ, наконец, ядерные структуры реконструируются в окончательные, развернутые структуры текста ПЯ.

На практике, однако, Ю.И. Гурова апеллирует к трансформациям и приемам, традиционно выделяемым в переводоведении (таким как калькирование, генерализация, смысловое развитие и т.д.) [Гурова 2010: 88—158], что, на наш взгляд, не тождественно процедуре выделения ядерных структур.

Что касается «Приемов перевода единого смысла текста» (название Главы 4: [Гурова 2010: 162—217]), то под единым смыслом текста понимается его жанрово-стилистическая принадлежность, и автор концентрирует внимание исключительно на том, как принято переводить англоязычные тексты определенного функционального стиля. Возможно, мы имеем дело с авторским феноменологическим пониманием того, что такое «смысловая программа» и «единый смысл» текста ИЯ. Более вероятно, тем не менее, что здесь произошла подмена понятий.

В другой работе М.Г. Новиковой вводится понятие «меры смысла», которое, как полагает автор, должно лежать в основе адекватного перевода и служить критерием оценки его качества [Новикова 2014]. Сам термин определяется следующим образом: «минимальное количество элементов высказывания (предложения), необходимое и достаточное для его полного понимания». Мера смысла «ранжирует элементы предложения по значимости, выявляя доминантные значения и опуская элементы, значения которых легко восполняемы контекстом» [Новикова 2014: 127]. Вполне ожидаемым выглядит вывод о том, что основным смысловыми доминантами являются подлежащее, сказуемое, рема, отрицание и фразеологические обороты, пропуск которых не позволяет полностью понять предложение. Мера смысла в таком рассмотрении приближается к минимизации языковой избыточности, сохранению в исходном сообщении и, соответственно, в переводе того минимума элементов, которые необходимы и достаточны для верного понимания сообщения.

Вторая особенность меры смысла заключается в том, что «данная величина определяет, какое из возможных значений слова релевантно рассматриваемому контексту» [Новикова 2014: 127]. Так, у большинства слов существует достаточно большое число возможных значений, но человек не занимается перебором всех возможных значений, он выбирает наиболее вероятные, и при «несостыковке характерных черт уже существующего образца и воспринимаемой информации ... начинает анализировать структуру сначала ... с позиций имеющихся знаний». Здесь

мы согласны с автором, что «процессы, влияющие на выбор значения, являются динамичными, с заложенной возможностью неоднократного возвращения к исходной точке» [Новикова 2014: 145—146] (учитывая данный комментарий, не совсем логичным представляется дальнейшее предложение М.Г. Новиковой называть графическую модель работы мысли при переводе элемента предложения **линейной** [Новикова 2014: 153]).

Поиск релевантного значения, продолжает свою мысль автор, проходит в режиме вероятностного прогнозирования и с опорой на контекст предложения или даже всего произведения в целом. Чем лучше известен контекст, тем больше мера смысла. Не случайна, таким образом, терминология М.Г. Новиковой — «мера смысла», что подразумевает определенную градационную шкалу [Новикова 2014]. Что касается вероятностного прогнозирования и соотношения возможных значений с имеющимся контекстом, речь идет о хорошо известном всем переводчикам герменевтическом круге. Безусловно, соотношение частей и целого — абсолютно необходимая процедура в переводе, которую мы рассматриваем как одну из основных методик проведения вводимого нами понятия *реконструкции дискурса*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА

Что же такое смысл, который так важен в переводческом процессе, и с чем мы не можем согласиться относительно характеристик, приписываемых ему вышеупомянутыми авторами?

Для ответа на этот вопрос обратимся к понятию реконструкции дискурса (это понятие и сопутствующие ему процедуры подробно рассмотрены в диссертации автора настоящей статьи «Теоретические проблемы реконструкции дискурса в целях перевода») и проанализируем перевод фрагмента текста ИЯ, который может представлять определенную трудность в понимании, то есть осложнить поиск смысла, так необходимого в переводе.

Рассмотрим следующее высказывание, взятое из новостного сообщения американской радиостанции NPR:

- 1) *We need to eliminate tobacco or get everyone to exercise or rid the world of Twinkies* [<http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003>].

Перевод этого предложения может быть осложнен непониманием подчеркнутого словосочетания. Исходя из содержания начала предложения и всего репортажа, где речь шла о секретах долголетия и здоровом образе жизни, “the world of Twinkies” номинирует какую-то практику, имеющую определенно негативное воздействие на здоровье. Прежде всего обращает на себя внимание имя собственное “Twinkies”. Поиск дополнительной информации показывает, что это американский бренд бисквита с кремовым наполнителем. Напрашивается вывод о том, что, как любые сладости, этот продукт не является диетическим, и таким образом не может способствовать здоровому питанию. При дальнейшем изучении информации, тем не менее, на первый план выходит другая характеристика этого продукта, а именно беспрецедентно длительный срок хранения пирожного. Существует городская легенда, согласно которой Twinkies производят из искусственных материалов, пышный бисквит — результат химической реакции исходного сырья,

а храниться они могут более 50 и даже 100 лет, дольше, чем целлофан, в который упакован сам десерт. О том, что Twinkies ассоциируются именно с долгим сроком хранения, и, как следствие, с вредным, ненатуральным составом, свидетельствуют такие заголовки статей, как “Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life)” [Hoover 2010:<http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life>], а также частое упоминание этого пирожного в различных статьях о пищевых добавках (см., например, статью “Chemical Preservatives and Food Dyes” [<http://richardhackworth.com/article4.php>]).

Данная информация, полученная в результате расширения КС релевантного для адекватной интерпретации оригинала, не противоречит содержанию текста ИЯ и позволяет сделать следующий перевод:

- (1) *Необходимо отказаться от табачных изделий, заставить людей заниматься спортом и отучить их есть всякую гадость с бесконечным сроком годности* (перевод наш — Е.К.).

Перевод этого небольшого фрагмента наглядно показывает, что смысл не является инвариантной величиной, изначально присутствующей в тексте ИЯ. *Смысл конструируется* непосредственно получателем исходного сообщения, в данном случае переводчиком. Конечно, для этого необходимо иметь языковую компетенцию, знать значения слов, составляющих текст, на этом основано его первичное понимание, предпонимание того, что такое “the world of Twinkies”. Далее переводчик *интерпретирует* текст исходного сообщения, выходит за непосредственный лингвистический микроконтекст (здесь предложение и вест текст новостей) на уровень *дискурса*, то есть соотносит значения с фрагментом действительности, релевантным для понимания исходного сообщения. Создание смысла текста ИЯ сопровождается движением по герменевтическому кругу при соотношении частей и целого и набрасыванием смысла. Так, в ходе реконструкции дискурса переводчик переходит от смысла₁ «Twinkies — это сладости» к смыслу₂ — «Twinkies — это пирожное с очень большим сроком годности», именно данная характеристика является доминирующей, что было продемонстрировано в переводе. Процедура реконструкции дискурса, таким образом, позволила *осмыслить* оригинал и предложить адекватный вариант перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что *смысл текста ИЯ — это формируемая на основе значения информация, реализуемая в конкретном контексте и связанная с индивидуальным пониманием означающего*. Для того чтобы понять текст ИЯ, другими словами, осмыслить его, необходима процедура реконструкции дискурса. Под реконструкцией дискурса понимается процесс восстановления контекста ситуации, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, часто с набрасыванием смысла, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ.

© Калиш Е.Е.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Сборник научных статей. 2011. Вып. 14. С. 10—22.
2. Гурова Ю.И. Перевод. Воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода. СПб.: Реноме, 2010.
3. Жолковский А.К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8. С. 3—16.
- [4] Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Московского университета, 1976.
5. Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Наука, 1983.
6. Мельчук И.А. Опыт лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
7. Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
8. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.
9. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчика. М.: Восточная книга, 2009.
10. Bell Roger T. Translation and Translating: Theory and Practice. London; NY.: Longman, 1991.
11. Bellos D. Is That a Fish in Your Ear? London: Penguin books, 2011.
12. Chemical Preservatives and Food Dyes. Режим доступа: <http://richardhackworth.com/article4.php> Дата обращения: 06.09.2016.
13. Hoover L. Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life). 2010. Режим доступа: <http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life>. Дата обращения: 2.09.2016.
14. The Secret to Long Life // npr news. 2008. Режим доступа: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003>. Дата обращения: 5.08.2016.

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF TRANSLATION – SEARCH OF SENSE AS ITS ONTOLOGICAL COMPONENT

Elena E. Kalish

Irkutsk State University
Lenina str., 8, Irkutsk, Russia, 664025

Abstract. The article brings up the concern about a common misconception of what translation is. Despite a unanimous scholars' opinion that understanding of the ST is a prerequisite of successful translation, sense-formation of the ST is often presented as a mechanical procedure that has no relation to the language user. Such approach is typical of not only machine translation programs, where formalization of intellectual operations is a forced necessity, but also of modern works on linguistics and translation studies. The author advocates the idea that sense is not a constant that is initially present in the ST. Moreover the author suggests that sense based on dictionary meaning is actualized in a particular context of situation and is related to individual understanding of the signifier given interpreter's experience and knowledge. Translation can be viewed as a semantosemological process, that is understanding of the ST on the initial stage and conveying this sense in the TT on the second stage. In order to understand the ST one must carry out the pro-

cedure of discourse reconstruction. Discourse reconstruction — is a restoration of the context of situation, accompanied by movement in the hermeneutic circle and sense conformance check, efforts that brings to light the discourse within which the source text takes a particular meaning. Using a fragment of an authentic text as an example, the author demonstrates how interpreter should carry out the search of corresponding sense via the new notion of discourse reconstruction. Reconstruction of discourse is the procedure that is in line with the cognitive nature of translation and can be used to increase adequacy of translation.

Key words: translation, SL text, TL text, sense, context of situation, reconstruction of discourse

REFERENCES

1. Buzadzhi, D.M. (2011). To the question of definition of the concept “translation”. *Problems of the theory, practice and didactics of the translation. Collection of scientific articles*, 14, 10—22. (in Russ).
2. Gurova, Yu.I. (2010). Translation. Reconstruction of the internal semantic program and uniform meaning of the text as basis of modeling of translation process. Saint Peterburg: Renome. (in Russ).
3. Zholkovskii, A.K. (1964). Preface. *Machine translation and applied linguistics*, 8, 3—16. (in Russ).
4. Zvegintsev, V.A. (1976). Sentence and its relation to language and speech. Moscow: Publishing house of the Moscow university. (in Russ).
5. Marchuk, Yu.N. (1983). Problems of machine translation. Moscow: Nauka (in Russ).
6. Mel’chuk, I.A. (1999). Experience of the linguistic models “Sense \Leftrightarrow Text”. Moscow: School of Languages of Russian Culture. (in Russ).
7. Novikova, M.G. (2014). Sense measure, thematic-rhematic articulation and adequacy of translation. Moscow: FLINT: Nauka. (in Russ).
8. Revzin, I.I. & Rozentsveig V.Yu. (1964). The foundations of general and machine translation. Moscow: Vysshaja shkola. (in Russ).
9. Tsvilling, M.Ya. (2009). About translation and interpreters. Moscow: Vostochnaya kniga.
10. Bell, Roger T. (1991) Translation and Translating: Theory and Practice. London; New York: Longman.
11. Bellos, D. (2011). Is That a Fish in Your Ear? London: Penguin books.
12. Chemical Preservatives and Food Dyes. Access mode: <http://richardhackworth.com/article4.php> accessed: 9.6.2016.
13. Hoover, L. Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life). 2010. Access mode: <http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life> accessed: 9.2.2016.
14. The Secret to Long Life//npr news. 2008. Access mode: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003> accessed: 8.5.2016.

Для цитирования:

Калиш Е.Е. К вопросу о сущности перевода — поиск смысла как его онтологической составляющей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

For citation:

Kalish, E.E. (2017). To the Question of the Essence of Translation — Search of Sense as its Ontological Component. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

Elena E. Kalish, 2017. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(3). 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

Сведения об авторе:

Калиш Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения стран АТР факультета иностранных языков, института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»; научные интересы: теория, практика и лингводидактика перевода, когнитивная лингвистика; *e-mail*: elenavvk@mail.ru

Bio Note:

Kalish Elena Evgenievna, associate professor of oriental studies and Asian-Pacific region studies department, faculty of foreign languages, institute of philology, foreign languages and media communication, FSBEI HE “Irkutsk State University”; *interests*: theory, practice and linguodidactics of translation, cognitive linguistics; *e-mail*: elenavvk@mail.ru